

УДК 94(517)"6/8"

**ПЛЕМЕННАЯ ИЕРАРХИЯ И СТАТУС ПЛЕМЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
В ИМПЕРСКИХ СИСТЕМАХ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ (середина VI – первая половина VIII вв.)**
С. А. Васютин

**TRIBAL HIERARCHY AND STATUS OF TRIBAL ALLIANCES IN THE IMPERIAL SYSTEMS
OF TURK KHAGANATES (mid 6th century – early 8th century)**
S. A. Vasyutin

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки России № 33.1175.2014К.

В статье рассматриваются вопросы этнополитического устройства тюркских кочевых империй середины VI – первой половины VIII в. Цель работы – реконструировать племенную иерархию в Тюркских каганатах, выявить статус конкретных племенных объединений в системе этнополитического ранжирования каганатов и проследить трансформации в составе племенной иерархии в период господства тюрков в степях Центральной Азии (555 – 630 гг., 689 – 744 гг.). Особое внимание уделяется положению племенных союзов в Монголии на этапе существования самостоятельных объединений кочевников (647 – 580-е гг.). Методология статьи строится на неозволюционистской классификации надплеменных структур и конструктивистской теории этноса. В результате исследования выявлен примерный состав племенных иерархий в Тюркских каганатах и динамика их изменений на протяжении VII – первой половины VIII в. Такие системы ранжирования включали до 4-х – 5-ти уровней. Наиболее высоким статусом вслед за господствующим племенным союзом тюрков во главе с Ашина обладали несколько племен, составлявших основу армии. Такие племенные объединения (в Восточно-тюркском каганате токуз-огузы и сеяньто, во втором Тюркском каганате – токуз-огузы, карлуки и басмылы) могли играть двоякую роль: в период роста могущества тюрков они являлись опорой их власти, но в условиях кризиса каганатов превращались в независимые политические союзы, способные к открытому противостоянию с тюркскими правителями.

The paper deals with some issues of ethno-political structure of Turk nomadic empires of middle 6th – the first half of the 8th century. The purpose of the work is to recreate the tribal hierarchy in Turk Khaganates, to determine the status of specific tribal alliances in the system of ethno-political grading of the Khaganates and to trace the transformations inside the tribal hierarchy during the Turks' rule in Central Asia steppes (555 – 630, 689 – 744). Special attention is paid to the tribal alliances position in Mongolia at the stage of independent nomads alliances (647 – 580s). The research methods are based on the neo-evolutionistic classification of supratribal structures and constructivist theory of ethnos. The research has resulted in an approximate structure of tribal hierarchies in Turk Khaganates and their changes dynamics during the 7th – first half of the 8th century. Such grading systems included up to 4–5 levels. After the dominating tribal alliance of Ashina, the highest status belonged to some tribes which were the base of the army. Such tribal alliances (Toquz Oghuz and Xueyantuo in the Eastern Turk Khaganate, Toquz Oghuz, Karluks and Basmyls in the Second Turk Khaganate) could play a double role: during the period of Turks' might growing, they supported their governors, but in the crisis of Khaganates they became independent political unions capable to a direct confrontation with Turkic governors.

Ключевые слова: кочевники Центральной Азии, кочевые империи тюрков, племенная иерархия, статус племенных объединений в системе этнополитического ранжирования каганатов.

Keywords: nomads of Central Asia, nomadic Empire of the Turks, tribal hierarchy, status of tribal alliances in the system of ethno-political grading.

Говоря о Тюркских каганатах и о кочевых империях Центральной Азии в целом, следует отметить, что важным фактором их возникновения было завоевание и принуждение к покорности доминирующей племенной группой других кочевых объединений и племен. В тюркских надписях начала VIII в. сюжет о покорении тюрками кочевых племен Центральной Азии занимает одно из центральных мест. Подчинение племенных союзов и линиджей представлено в рунических текстах весьма ярко: «Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган... Четыре угла (т. е. народы, жившие вокруг по всем четырём странам света) все были (им) врагами; выступая с войском, они покорили все народы,

жившие по четырём углам, и принудили их всех к миру. Имеющих головы они заставили склонить (головы), имеющих колени они заставили преклонить колени» [18, с. 36]. В тексте Онгинского памятника идея насильственного подчинения номадов правящему роду тюрков Ашина и, прежде всего, кагану выражена еще более отчетливо: «Наш предок Бумын-каган четыре угла (мира) притеснил, повалил, победил, раздавил» [19, с. 9]. В другом эпизоде Большой надписи Кюль-тегину рассказывается о том, что Ильтереш-кагану (Ильтерес-кагану), вернувшему тюрков в степь в конце 680-х гг., пришлось вести противоборство не только и не сколько с Китаем, сколько с разными кочевыми объединениями Монголии и Южной Сибири:

«Справа (т. е. на юге) народ табгач был (ему) врагом, слева (т. е. на севере) народ токуз-огузов (под начальством) Баз-кагана был (ему) врагом, киргизы, курыканы, «тридцать татар», кытай и татабы все были (ему) врагами; мой отец-каган... сорок семь раз... ходил с войском (в поход) и дал двадцать сражений. По милости Неба он отнял племенные союзы у имевших племенные союзы (т. е. у враждебных ему ханов) и отнял каганов у имевших (своих) каганов (т. е. у враждебных ему народов, элей), врагов он принудил к миру, имевших колени он заставил преклонить колени, а имевших головы заставил склонить (головы)» [18, с. 38]. Ильтериш-кагану пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением кочевников и в буквальном смысле «выстраивать» («устанавливать» и «заводить» порядок) империю. Таким образом, племенная иерархия являлась результатом завоеваний и подчинения номадных линиджей и союзов племен правящему клану во главе с каганом и возглавляемого Ашина «тюркскому народу». Данная система тем самым строилась не только на принципах сакрализации власти кагана, его верховной ритуальной роли, «престижной экономике» (раздачи правителем престижных даров аристократии и племенным вождям в обмен на их лояльность и признание авторитета главы империи), т. е. консенсуальных связях [16, с. 320 – 321, 329; 17, с. 30]. В ее основе лежали господство и повиновение, она скреплялась военной силой (мятежи жестоко подавлялись) и принуждением. К тому же племенная иерархия одновременно была основой военной организации [7; 8, с. 60; 27, с. 163 – 166; 11, с. 218 – 219; 12, с. 470; 13, с. 464; 15, с. 162 – 166; 16, с. 319 и др.], и в распоряжении кагана был еще один инструмент политического контроля за подчиненными племенами – военная дисциплина.

Вопросы племенного состава и племенной иерархии в Тюркских каганатах рассматривали В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский [23, с. 16], В. В. Бартольд [1, с. 40, 43, 200 – 201, 584, 586, 587 – 588], А. Н. Бернштам [3, с. 70 – 74, 100, 102], Р. Груссе [6, с. 132, 135, 137], Л. Н. Гумилев [7; 8, с. 59 – 63, 179 – 182, 263 – 268, 280 – 282 и т. д.], Л. Кредер [30, р. 127 – 134; 31, р. 84 – 89], М. Масео [22; 33], И. Эчеди [29], Д. Г. Савинов [24; 26], С. Г. Кляшторный [11, с. 218; 12, с. 469; 14, с. 150 – 151, 152 – 153], Т. Барфилд [2, с. 19, 111, 122], Н. Н. Крадин [15, с. 134, 136; 16, с. 315, 320 – 322; 17, с. 29 – 30] и многие другие исследователи. Так, Д. Г. Савинов трактует существование этноса-элиты как одну из специфических черт социально-политической системы кочевых государств «древнетюркского времени». Другие племена, инкорпорированные в состав этносоциального объединения, по отношению к этносу-элите занимали вассальное положение, и тем самым социальное неравенство выносьлось за пределы привилегированной этнической группы [24, с. 44; 25, с. 32 – 33]. В этой ситуации этнос-элита направлял свои усилия на создание и сохранение полиэтнического государственного образования с целью использования экономического потенциала подчиненных областей. В свою очередь зависимые племена, «особенно относящиеся к тому же (или близкому) хозяйственно-культурному типу, что и этнос-элита», стремились к выходу из-под протек-

тората доминирующей кочевой группы и создать свое государство [25, с. 40].

Ряд ученых настойчиво отрицают существование жестких форм подчинения племен властвующему племени. К примеру, японский исследователь Н. Широиси подчеркивал, что, несмотря на обладание каганом единоличной властью, «подчиненные племена сохраняли свою территорию и прочно удерживали свою независимость» [28, с. 243]. Еще ранее Г. Е. Марковым была высказана точка зрения о том, что кочевые империи выступали как «временные, эфемерные образования», чье возникновение определялось внешними вызовами – войнами и миграциями. В «ответ» на подобные «вызовы» у кочевников «военные и политические интересы выступали на первый план» (семьи, скотоводческие группы и объединения выступали как подразделения военной системы; высшие звенья племенной структуры упорядочивались и «воплощались в реальные ...политические образования»; появление более или менее централизованной власти и т. д.). В результате, как считал ученый, и возникали кочевые империи, «олицетворявшие военную централизацию скотоводов» [21, с. 312]. Однако, когда задачи военно-политического объединения (военные победы, окончание завоеваний, завершение миграции и адаптация к новой местности) реализовывались, регулярное существование централизованной власти у кочевников утрачивало смысл и по мере «распадения империи и децентрализации племен», власть и влияние «военно-племенных предводителей ослабевала» и вскоре следовал крах имперской организации [21, с. 312].

В свете разных подходов к характеру племенной иерархии и трактовке отношений правящей элиты с племенами в Тюркских каганатах в данной статье будут проанализированы данные источников по обозначенным вопросам с целью определения степени зависимости племен от Ашина, их статуса в имперских структурах каганатов.

Описание периода формирования Тюркского каганата в китайских хрониках практически не содержит указаний на подчинение и принуждение племен к признанию власти тюрков. Исключением являются столкновения с бывшими властителями монгольских степей жуаньжуанями, которые закончились разгромом последних. Акт подчинения тюркам племен теле в китайских хрониках описан буквально одной фразой («Или-хан совершенно поразил тйелэсцев и покорил более 50000 юрт» [4, с. 221]) и достаточно труден для интерпретации (было ли сражение или подчинение прошло мирным путем). Китайские авторы, уделявшие внимание внутреннему политическому развитию каганата, в том числе междоусобицам и столкновениям в 580-х – начале VII вв., не указывают на конфликты теле с тюрками. Более того, как подчеркивается в Тан-шу тюрки силами уйгуров (а за ними могли стоять и другие племена теле) «геройствовали в пустынях севера» [4, с. 301]. Однако, в надписях эпохи Второго Тюркского каганата, как мы указывали выше, отчетливо говорится о завоевании имперского пространства и покорении народов, живших «по четырем сторонам (углам)». Еще раз приходится констатировать, что власть кагана держалась не только на престижных раздачах и совместных набегах с подчиненными племенами. Изначально она имела насильст-

венный характер, предполагала подчинение и контроль.

До начала рубежа VII в., если судить по письменным источникам, структура зависимых кочевых племенных союзов в составе Тюркского каганата, по крайней мере на территории Монголии, выглядела весьма аморфной. Кристаллизация надплеменных структур началась в период раскола Великого Тюркского каганата в конце VI – начале VII в. Этому способствовали внутренние конфликты между представителями калана Ашина, ослабление контроля и весьма неустойчивое положение восточного кагана Жангара, вынужденного укрыться со своими сторонниками в приграничной зоне Китая и признать протекторат Суй. В 605 (606) г. западно-тюркский каган Чуло напал на племена теле, «обложил их тяжелой податью», «но опасаясь возмущения, он собрал несколько сот их предводителей и убил их всех». В ответ на это последовало восстание племен теле [4, с. 301; 32, с. 350; 8, с. 143], в результате которого кибичи и сеяньто провозгласили независимую державу в Джунгарии, а уйгуры, объединившись с племенами пугу, тунло и байегу, создали союз во главе с Сыгинем из рода Яглакар и «отложились» от власти тюрков. Местом их расселения стал бассейн р. Селенги [4, с. 301 – 302, 339]. Усиление власти тюрков при каганах Шиби, Чуло и Хели (Эль-каган) позволило, по всей вероятности (источники дают весьма скудную информацию), восстановить контроль над телескими союзами в Монголии. Но политика Хели-кагана (замена должностных лиц согдийцам и китайцами, попытки сбора налогов, конфликт с Тули-ханом, представителем династии Ашина и наместником юго-восточных владений тюрков) и дипломатия Тан сделали возможным формирование антитюркской коалиции в степи. В 627 г. сеяньто, уйгуры и байегу подняли мятеж и смогли разбить войска Тули-хана. Наказанный за поражение Тули вскоре сам выступил против Хели-кагана, который оказался в окружении врагов [2, с. 120]. Сеяньто и токуз-огузы, превратившиеся в мощные племенные союзы, начали открытую борьбу с тюрками. Довершили дело китайские войска, разгромившие сторонников Хейли и в конечном итоге пленившие тюркского правителя.

Более чем 50 лет (630 – конец 680-х гг.) в монгольских степях не существовало единой империи. Возвышение каганата Сеяньто окончилось его разгромом в 646 г. китайцами и подчиненными Тан тюрками. В 647 г. 12 вождей племен теле (эльтеберы уйгуров Тумиду, пугу Гэлянь Баянь, баегу Цзюэлиши, тунло Шицзянь, эркин доланьгэ Мо, а также вожди племен хунь, хусе, сицзе, аде, цибичи и байси) прибыли к танскому двору (по другой версии император встретил их в Линжоу) с дарами и признанием подданства. Китайское правительство провело районирование загобийских территорий, разделив земли телеских племен на шесть управлений (губернаторства) и семь округов [20, с. 114, 118]. Точка зрения об образовании в Монголии в период после столкновений токуз-огузов с Китаем в 660 – 663 гг. так называемого «Первого Уйгурского каганата» [20, с. 119, 120 – 123; 10, с. 7, 62 – 63], вне всякого сомнения, имеет основания в целом ряде тюркских и уйгурских текстов. Однако эпиграфика из кургана Шоорон-дов говорит о довольно

самостоятельных связях вождей пугу с Тан (вожди пугу в конце 640-х – 670-х гг. одновременно являлись генерал-губернаторами округа Цзиньвэй / Цзиньвэй-чжоу) [9, с. 256; 20, с. 114, 118]. Это позволяет предполагать, что племенная структура токуз-огузов при главенстве уйгуров (десяти племен уйгуров) не подвергалась жесткой централизации и ранжированию как в Тюркских каганатах. Только в воссозданном в конце VII в. Тюркском каганате (Второй Тюркский каганат) вновь оформилась племенная иерархия. Ильтериш-кагану пришлось вести борьбу с Китаем, с каганами токуз-огузов, кыргызов, тюркешей, с другими племенными объединениями Внутренней Азии [18, с. 65 – 69]. В столкновениях с племенами на территории Монголии приходилось вступать Капаган-кагану и Бильге-кагану. Покорность зависимых племен все время требовала военных усилий. Так, Ильтериш-кагану пришлось 5 раз совершать походы на токуз-огузов и 7 раз «ходить» на киданей [18, с. 69]. В конечном итоге в подчинении Ильтериш-кагана оказалось более 60 родовых групп и кланов [5, с. 88]. Именно военная сила тюрков скрепляла империю.

Каково же было положение крупных племенных объединений кочевников в имперской иерархии Второго Тюркского каганата? Тюркские надписи, не отвечая напрямую на этот вопрос, все же дают некоторые сведения по обозначенной проблеме. Однако подход к источникам не должен быть формальным. Иерархические титулы не всегда отвечают реальному рангу предводителей племенных союзов. Обладателями титула «каган» («хан») помимо тюркских правителей названы лидеры токуз-огузов (до покорения тюркам) тюркешей, кыргызов, асов (временно, при исключительных обстоятельствах) [18, с. 38, 41, 43, 66, 67, 68; 19, с. 20, 21, 23]. Другие надплеменные вожди носили титулы эльтеберов, идыкутов, иркинов (Великий Иркин Йэр Байырку), сенгунов [18, с. 41, 42; 19, с. 20, 22, 23]. Анализ текстов показывает, что иерархия строилась на иных принципах.

Наиболее влиятельное положение в каганате после тюрков занимали токуз-огузы во главе с уйгурами. О высоком статусе «девяти племен» говорит знаменитая фраза рунических памятников в честь Кюльтегина и Бильге-кагана «народ токуз-огузов был мой собственный народ» («Токуз-огузы были мой собственный народ») [18, с. 42; 19, с. 21]. Несмотря на мятежи и выступления уйгуров и входивших в возглавляемый ими племенной союз линиджей, весомую роль токуз-огузов в свержении власти тюрков в степи в 630 г., их ожесточенную борьбу с Ильтериш-каганом, откочевки на границу с главным врагом тюрков – Китаем, тюркская элита продолжала рассматривать «девятое племя» как главную опору своей власти в Центральной Монголии. Стоит обратить внимание на тот факт, что в сохранившейся части Малой надписи памятника Кюльтегину наряду с родственниками кагана, должностными лицами империи, «тюркскими племенами и народами» названы только «начальники и народ девяти племен» [18, с. 33]. Это явно не случайно, поскольку в Большой надписи данного памятника имеется обращение от лица правителя к «тюркским и огузским бегам и народу» [18, с. 39]. Стоит подчеркнуть, что подобная текстовая комбинация встречается еще раз в надписи на памятнике в

честь Тоньюкука: «Тюркский Бильге-каган возвышает народ тюрков-сиров и народ огузов» [18, с. 70]. Оставим в данном случае в стороне разбор политонима «тюрки-сиры», так как эта проблема заслуживает отдельного исследования и, скорее всего, здесь говорится о союзе внутри «тюркского народа» [12, с. 301 – 312]. Важно отметить, что кроме токуз-огузов больше не одно подчиненное тюркам племенное объединение не устаивалось такой чести, как упоминания их «бегов и народа» вместе с «тюркским народом» и причисления их каганом к «моему собственному народу».

Полагаю, что в рассмотренных отрывках тюркских текстов речь шла не только об этнической близости тюрков с токуз-огузами (данные связи не во всех случаях очевидны, а родство тюрков и уйгуров весьма сомнительно), но и о признании реального влияния данного племенного объединения в политической жизни центрально-азиатских степей. Уйгуры вместе с пугу, тунло, цезгу и другими токуз-огузскими племенами, занимавшие территории от среднего течения Селенги и до бассейна Толы, играли стратегическую роль в степном пространстве Центральной и Северной Монголии. Без лояльности токуз-огузов власть тюрков была неустойчива. Кыргыз, карлуки, кидани и другие племена могли поднимать мятежи на периферии каганата, но при спокойствии в центре империи эти выступления не угрожали тюркской власти непосредственно. А вот токуз-огузские племена могли решить судьбу Второго Тюркского каганата одним успешным ударом по ставке правителя в Отюкенской черни. Не случайно, что именно столкновения с токуз-огузами были наиболее продолжительными и упорными. После прихода к власти Бильге-кагана тюркам пришлось неоднократно сражаться с токуз-огузами и их союзниками и проводить карательную акцию на Селенге [18, с. 42 – 43, 21 – 22], в то время как для усмирения других племен обычно хватало одной – двух побед. Тюрки осознавали силу и потенциал уйгуров, намеренно приближая их к тюркской элите и конструируя этнополитическую общность тюрков и токуз-огузов. При этом, однако, в текстах всегда четко дифференцируются тюрки и токуз-огузы. В этом контексте можно рассматривать токуз-огузов как племенной союз, непосредственно подчиненный кагану.

Следующую ступень составляли племена, чьи воины могли играть вспомогательную роль в тюркской армии либо оказывать помощь в противостоянии с противниками тюрков. К примеру, стратегическое положение на границах каганата занимали чики и азы в Туве. Здесь основную угрозу для интересов тюрков представляли кыргызы, укрывшиеся за труднодоступными горами в Минусинской котловине и способные совершать рейды против каганата. Не случайно Капаган-кагану на первых порах пришлось азскому Барс-бегу «при тех обстоятельствах» даровать титул кагана и отдать замуж свою младшую сестру [18, с. 38]. Лишь после «провинности» и смерти азского кагана народ азов был подчинен тюркским тутукам («народ его стал рабынями и рабами»). Особое положение занимало и племя (племенное объединение) байырку («племя Йэр Байырку»), кочевавшее к северу

от Керулена и фигурирующее в надписях отдельно от токуз-огузских племен [18, с. 41; 12, с. 113, 114].

Ряд тюркоязычных племен, входивших в каганат, выплачивали правителю дань и должны были «посылать караваны» [19, с. 20, 22]. В частности, в надписи в честь Бильге-кагана указывается, что еще в 20-летнем возрасте будущий правитель империи «пошел против народа басмылов и его ыдук-кута...», так как он не посылал ...караван данью» [19, с. 20]. Возможно (из-за разрушения надписи данный фрагмент не совсем понятен), дань в центр империи должны были поставлять и карлуки [19, с. 22].

Другую группу «подданных» составляли монголоязычные племена киданей, татабийцев (хи – си – кумоси). Их положение не совсем ясно. В иерархии племен они не были на первых местах. Но сам регион, где располагались данные племена, играл важное значение, находясь между восточными владениями тюрков и северо-восточными провинциями Китая. Тюрки использовали противоречия между хи и киданями (известно совместные нападения тюрков и си на киданей) [26, с. 143 – 144, 159; 12, с. 127], хотя, судя по руническим надписям, хи и кидани несколько раз совместно выступали против тюрков [18, с. 38, 40; 19, с. 22]. Кидани были ненадежными участниками имперской системы, переходили в подданство Китаю [26, с. 158, 159] и подчинялись только военной силе тюрков.

Еще одну ступень составляли полуоседлые племена Саяно-Алтая. Характеристика отношений тюрков с населением данных территорий требует отдельного исследования, так же как и разговор о положении в каганате разных страт оседлого населения.

Выводы

Племенная иерархия, так же как и вся имперская система в Тюркских каганатах, была весьма динамичной. Отношения Ашина и подчиненных племенных союзов сильно влияли на устойчивость всей кочевой империи. Примеры из истории Второго Тюркского каганата показывают, что в условиях крупных поражений тюркских армий, смены власти, стремлений Китая ослабить каганат, мятежи и выступления подвластных племен были нередким явлением. Но при Капаган-кагане и Бильге-кагане бывали и «золотые времена», когда правителям удавалось «завести порядок» в народе, и в восприятии тюркских текстов не только тюрки, но и другие племена «процветали»: «в то время (наши) рабы стали рабовладельцами, а (наши) рабыни рабовладелицами» [18, с. 39]. Тем самым периоды «расцвета» Тюркских каганатов предполагали, что каган «устроил эль», «завел в нем порядок», «поднимает» и «вскармливает народ», «делает богатым неимущий народ», «...многочисленным малочисленный народ», ему «народы всех четырех сторон света отдают... труды и силы» [18, с. 34, 35, 36, 37, 39, 40; 19, с. 9, 24]. В этих условиях политическая автономность племенных вождей заключалась в отсутствии прямого вмешательства в их дела, но при этом сохранялся контроль за племенными элитами через институт тутуков, подтверждавших их лояльность верховному правителю.

Таким образом, в племенной иерархии Тюркских каганатов можно выделить несколько ступеней. На

примере Второго Тюркского каганата можно конкретизировать положение и статус отдельных племенных союзов. Возглавлял имперскую систему клан правителя, который опирался на тюркскую аристократию и «тюркский народ». Ключевую роль в имперской системе играли токуз-огузы, занимавшие стратегически важные земли в Центральной и Северной Монголии. Среди других кочевых племенных объединений высоким статусом обладали байырку, азы. Определенной автономией располагали племенные союзы, рас-

положенные в удаленных западных и восточных владениях каганата (карлуки, кидании). Более низким статусом обладали племена, платившие тюркам дань и возглавляемые тюркскими наместниками. Таковым, к примеру, было положение басмылов в начале VII в. Однако роль племенных групп в имперской системе была непостоянной и могла меняться со временем. Хорошо известно, что в свержении власти тюрков в 742 – 744 гг. наряду с токуз-огузами активное участие приняли карлуки и басмылы.

Литература

1. Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1968. 757 с.
2. Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.); пер. Д. В. Рухлядева, Б. В. Кузнецова. СПб., 2009. 248 с. Режим доступа: <http://barfield.narod.ru> (дата обращения: 12.07.2012).
3. Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI – VIII веков: Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 208 с.
4. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I.
5. Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI – VIII вв. М.: Наука, 1996. 152 с.
6. Груссе Р. Империя степей. Атилла, Чингиз-хан, Тамерлан. Алматы: Наш мир, 1992. 592 с.
7. Гумилев Л. Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров // Материалы по отделению этнографии Географического общества СССР. Ч. I. Доклады за 1958 – 1961 гг. Л.: ГО СССР, 1961. С. 15 – 26.
8. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 527 с.
9. Данилов С. В., Бураев А. И., Саганов Б. В., Очир А., Эрдэнболд Л., Батболд Х. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы Международной научной конференции (Улан-Удэ, 20 – 24 сентября, 2010 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2010. С. 254 – 257.
10. Камалов А. К. Древние уйгуры VIII – IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.
11. Кляшторный С. Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI – X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. М.: Наука, 1986. С. 217 – 228.
12. Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.
13. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.
14. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
15. Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
16. Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации / отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.: Логос, 2000. С. 314 – 336.
17. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 416 с.
18. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.; Л.: АН СССР, 1951. 452 с.
19. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: АН СССР, 1959. 112 с.
20. Малявкин А. Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1980. С. 103 – 126.
21. Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976. 318 с.
22. Масао М. Политическая структура древнего государства кочевников Монголии // XIII Международный конгресс исторических наук. Доклады конгресса. М.: Наука, 1970. С. 1 – 8.
23. Радлов В. В., Мелиоранский П. М. Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. IV. Древне-тюркские памятники въ Кошо-Цайдамъ. СПб., 1897. 33 с.
24. Савинов Д. Г. Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: Изд-во ОмГУ, 1979. С. 41 – 45.
25. Савинов Д. Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 143 с.

26. Савинов Д. Г. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 31 – 43.
27. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
28. Широиси Н. Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 239 – 251.
29. Escedy I. Tribe and Society the 6th Century Turk Empire // Acta Orientalia Hungaricae. 1972. Vol. XXV. P. 23 – 38.
30. Krader L. The Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague: Mouton, 1963. 412 p.
31. Krader L. Peoples of Central Asia. Bloomington: Indiana University Publications, 1966. 277 p.
32. Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). B. I. Texte. Wiesbaden, 1958. 484 s.
33. Mori Masao. The Tu-chueh Concept of Sovereign // Acta Orientalia. Bulletin of the institute of Eastern Culture. Vol. 41. Tokio: The Toho Gakkai, 1981. P. 47 – 75.

Информация об авторе:

Васютин Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории цивилизации и социокультурных коммуникаций КемГУ, vasutin@history.kemsu.ru, vasutin2012@list.ru.

Sergey A. Vasyutin – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of the History of Civilizations and Socio-Cultural Communications, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.